

— Свяжи его и вытащи вон. А причину, господин Чжан, придумай какую угодно, — не поднимая головы, приказал Цинь Цзычу.

Острие его ножа все еще упиралось в пах Лао Ая. Только когда Чжан Ли уволок ублюдка за дверь, Цзычу наконец спрятал оружие.

Этот короткий кинжал он стянул еще в Ханьдани, когда ночевал в усадьбе Люй Бувэя. Заметил ли торговец пропажу, Цзычу не знал, но с тех пор не расставался с оружием, надеясь в случае крайней нужды подороже продать свою жизнь.

Кто бы мог подумать, что они с сыном так и не встретят погоню из царства Чжао, зато острый клинок придется пустить на защиту собственной чести? Какая нелепая ирония.

«Этот проклятый мир словно издевается надо мной, подсовывая одну глупость за другой!»

Не обращая внимания на ярость, полыхавшую во взгляде Лао Ая, Цинь Цзычу бережно опустил лоскут мягкой ткани в таз с водой, отжал его и осторожно приподнял беззащитного А-Чжэна, чтобы хорошенько обтереть его пухлые младенческие ягодицы.

Крошечная, поразительно нежная попка младенца так уютно улеглась в ладони, что Цзычу не удержался и слегка сжал мягкую кожу, забавляясь приятным ощущением.

«Какая прелесть... Так бы и укусил за этот сладкий бочок!»

— Ох! — выдохнул он.

Подняв голову, Цзычу натолкнулся на пристальный взгляд А-Чжэна. Черные глаза ребенка с необычными двойными зрачками горели совершенно недетским гневом. Цзычу мгновенно замер и, чувствуя себя мальчишкой, которого поймали за глупым озорством, поспешно отдернул руку.

Щеки Цзычу залил легкий румянец. Он торопливо завернул сына в чистые пеленки, мысленно сокрушаясь:

«Неужели мой будущий покровитель — настоящий гений? Почему у него такой осознанный, глубокий взгляд? Будто в теле младенца заперт взрослый, умудренный опытом мужчина».

Пытаясь скрыть смущение, он кашлянул и повернулся к Чжан Ли, торопливо меняя тему:

— Господин Чжан, как вы планируете наш отъезд?

Чжан Ли уверенно улыбнулся. Он остановился в трех шагах, склонился в глубоком, уважительном поклоне и произнес:

— Чжан Ли не оправдал вашего доверия. Из-за моей неосторожности вам, молодой господин, пришлось перенести столько невзгод.

Цзычу лишь качнул головой, искренне полагая, что все его злоключения — сущие пустяки. Он подошел и лично помог Чжан Ли подняться.

— То, что вы пришли, уже великое счастье для меня, — серьезно сказал он. — У вас на руках было триста золотых. Если бы вы не пожелали лезть в это болото, то могли просто вернуть мне деньги через посыльного, а сами — уйти на покой в глухие леса. Вам вовсе не нужно было притворяться нищим у ворот Ханьдани, изо дня в день терпя ледяной ветер и презрительные взгляды.

В глазах Чжан Ли промелькнуло облегчение, уступив место мягкой улыбке. Отряхнув дорожную пыль с подола, он выпрямился. Выслушав Цзычу, он посерьезнел, но тут же с легким сердцем произнес:

— Молодой господин, вас непременно ждет великое будущее.

Цзычу растерялся от этих внезапных комплиментов, совершенно не понимая, к чему они клонятся. Заметив его недоумение, Чжан Ли негромко рассмеялся и пояснил:

— Вы умеете ценить верность и не держите зла на судьбу. Лишь человек с чистым сердцем и широкой душой обладает истинно царским величием, способным привлечь под свои знамена мудрецов Поднебесной... В нашем царстве Цинь чтут учение легиста Шан Яна. Законы суровы, и каждый мужчина видит высшую доблесть в ратном труде. По военной мощи Цинь превосходит остальные шесть царств, однако слава о нас идет дурная. Даже канцлер Фань Суй, которому ныне так доверяет правитель, бежал к нам лишь потому, что в родном царстве Вэй его загнали в тупик, и у него не осталось иного выбора, кроме как искать спасения на наших землях.

Упоминание Фань Суя напомнило Цзычу о полководце Бай Ци, чьи раздоры с государем вели к беде. Он невольно вздохнул:

— В смутные времена нужны суровые законы, а в эпоху процветания — милосердное правление.

Стоило этим словам слететь с его губ, как Чжан Ли уставился на него широко распахнутыми глазами, словно услышал нечто невероятное. Цзычу даже слегка занервничал от такого пристального внимания.

Однако Чжан Ли лишь взволнованно смахнул выступившую слезу и, решив не углубляться в столь опасные рассуждения, вернулся к главному — к плану возвращения на родину:

— Расставшись с вами, молодой господин, я стал размышлять, как лучше пустить в дело триста золотых. Царство Чжао славится своими каналами и развитым земледелием, там всю используют тягловых быков и железные орудия, собирая по два урожая в год. Закрома у них ломятся от зерна. Тогда я решился на хитрость и снова предстал перед Господином Пинъюанем. Под вымышленным именем я поведал ему, будто мой давний враг на родине мертв, и теперь я хочу вернуться к корням. Сказал, что скопил за эти годы немало монет и желаю заняться торговлей зерном. Господин Пинъюань... человек благородный и доверчивый. Выслушав мою просьбу, он лишь повздыхал о бренности жизни, а после свел меня с нужными людьми. На его имя мне продали отборного зерна на целую сотню золотых. Более того, он самолично договорился со стражей у ворот, чтобы меня выпустили из города без лишних расспросов.

Чжан Ли тяжело вздохнул:

— Господин Пинъюань был чрезвычайно добр ко мне, а я предал его доверие уже трижды. Но увы, мы служим разным государям. Если бы не это...

— Господин Чжан, — мягко, но решительно прервал его излияния Цинь Цзычу. Он ласково погладил сына по крошечной спинке. В его взгляде читалась безграничная нежность, однако голос прозвучал на удивление твердо и беспощадно: — Наш А-Чжэн только появился на свет. Если ради того, чтобы он вырос в мире, не зная ужасов войны, мне придется пойти на подлость и обгадить руки кровью — я сделаю это не задумываясь. Кровь чужаков для меня не стоит и капли крови моих соплеменников.

Чжан Ли на мгновение умолк, осмысливая услышанное, а затем с тихой усмешкой кивнул:

— Ваши слова мудры, молодой господин. Похоже, во мне заговорила глупая жалость.

Цзычу молча покачал головой и прижал губы к теплему лбу А-Чжэна.

— Я и сам... понял это лишь сейчас, — прошептал он.

«Если я собираюсь возложить на плечи этой крохи бремя завоевания шести царств и объединения Поднебесной, неужели все эти годы до его совершеннолетия я буду оставаться беспомощным трутнем? Нет. Я не могу себе этого позволить. Даже самый слабый мужчина сделает все, чтобы защитить свое дитя и построить для него чистый, безопасный мир. Я хочу, чтобы он стал великим Первым Императором, но его детство больше не должно быть полно лишений и страха».

— Молодой господин? — негромко окликнул его Чжан Ли, заметив затянувшееся молчание.

Цзычу тут же очнулся. Он с улыбкой кивнул собеседнику, крепче прижимая к себе спящего А-Чжэна. Ощущение тепла этого крохотного тельца помогло унять бешено колотящееся сердце.

— Продолжайте, прошу вас, — мягко произнес он.

— У меня оставалось еще две сотни золотых, — продолжил Чжан Ли. — Я понимал, что ребенок родится со дня на день, и если вам придется бежать второпях, госпожа Чжао Цзи просто не вынесет тягот пути. Тогда я пошел до конца: упросил Господина Пинъюаня помочь мне найти искусных мастеров, чтобы те сработали просторную, крепкую повозку и подобрали четверку добрых коней. Сам же снял пустующий дом неподалеку от усадьбы Люй Бувэя, открыл там лавку и якобы торговал зерном, а сам пристально следил за каждым его шагом. Мои труды увенчались успехом: перед самым рассветом люди доложили, что Люй Бувэй спешно покидает город. Разумеется, ехать следом за ним сразу я не решился, чтобы не вызвать подозрений. Выждал немного и только тогда пустился в путь.

Чжан Ли усмехнулся, и в его взгляде промелькнула холодная насмешка.

— Мой обоз двигался неспешно, и благодаря этому я заприметил вашу служанку Люйцяо. Она кралась к поместью Гунсунь Цяня, явно собираясь выдать вас с головой. Тогда я разыграл испуг — мол, боюсь разбойников на загородных дорогах, — и напросился в попутчики к отряду чжаоских воинов, которые как раз выдвигались на перехват. Так они сами и привели меня к вам! По дороге солдаты разделились. Мой обоз с зерном не мог мчаться во весь опор, не вызывая подозрений, поэтому мы тащились позади. Вдруг передовой дозор повернул назад с вестью: в карете Люй Бувэя вас не оказалось. И в то же мгновение небеса вспыхнули алым заревом, а сквозь облака промелькнули очертания парящего дракона! Я понял, что медлить нельзя. Сначала хотел бросить солдат, но вовремя сдержался и продолжил путь с ними. Дороги вокруг были иссушены колесами беглецов, но я знал, что вы не любите лишнего шума и наверняка расстались с торговцем. Порасспросив солдат о здешних деревнях, я принялся объезжать их одну за другой, пока наконец не наткнулся на этот дом.

Цзычу слушал его, затаив дыхание. Если первая часть плана Чжан Ли — покупка зерна и выезд из Ханьдани — еще опиралась на связи и покровительство, то все последующие действия требовали недюжинного ума, тонкого расчета и безумного везения.

«Поистине, когда на кон ставит свою жизнь искушенный стратег, его игра куда опаснее и расчетливее ухищрений любого купца».

Чжан Ли взглянул на младенца, дремавшего на руках Цзычу, и его недавняя хмурость окончательно рассеялась.

— У молодого господина родился наследник! Позвольте принести мои искренние поздравления.

Цзычу ласково прижал к себе драгоценную ношу. Глаза его светились неподдельной гордостью. Он приподнял спящего А-Чжэна и нежно поцеловал его в лоб.

— О да. Мой сын рожден великим. Наступит день, и он подчинит себе все шесть царств, объединив Поднебесную под единой властью.

Чжан Ли лишь улыбнулся, списав эти пылкие речи на радость отца и необычные знамения в небесах. Он вежливо осведомился:

— Даровали ли вы имя молодому господину?

— Он родился в первый месяц года, поэтому домашнее имя его — А-Чжэн, — с гордостью ответил Цзычу. — А нарекли мы его Ин Чжэном. «Чжэн» — управитель, способный навести порядок и в доме, и в Поднебесной. — Представив сына, он вернулся к насущным делам: — Но как мы выберемся отсюда? Каков наш дальнейший путь?

Улыбка Чжан Ли стала шире. Он покосился на брошенные в углу промокшие женские одежды, однако сохранил серьезный тон:

— До сих пор женское платье оберегало вас от лишних глаз. Полагаю, стоит продолжить этот путь в том же обличии.

— Но те одежды насквозь вымокли, — Цзычу с отвращением взглянул на холодный шелк.

Чжан Ли ничуть не смутился и негромко позвал к двери:

— Эй, внесите сундуки молодой госпожи!

Повернувшись к Цзычу, он тихо пояснил:

— Прослышав о том, сколько сил приложила ради вашего спасения Госпожа Хуаян, я рассудил, что вам негоже возвращаться на родину с пустыми руками. В моем обозе припрятано немало изысканных шелков из царства Чу и редких украшений, которые так ценятся в Чжао. Кое-что из этих запасов сейчас придется как нельзя кстати.

За последние дни Цзычу успел привыкнуть к женскому платью, поэтому спорить не стал. Приняв из рук слуг роскошное алое одеяние, он принялся облачаться прямо при Чжан Ли.

Чжан Ли бережно взял младенца на руки. Стоило ему заглянуть в личико А-Чжэна, как его сердце пропустило удар. Редкие знамения вроде алых облаков на рассвете случались и прежде, но этот ребенок родился с уже прорезавшимися зубками, а его зрачки были двойными!

Вот оно — истинное веление Небес, не оставляющее места сомнениям.

Пока Цзычу переодевался, Чжан Ли не удержался и осторожно приоткрыл плотную ткань пеленок, желая рассмотреть младенца получше. Перевернув А-Чжэна на живот, он обомлел: на спине ребенка, прямо между лопаток, темнело родимое пятно, формой в точности напоминавшее угольно-черную драконью чешую.

Холодный пот мгновенно прошиб спину Чжан Ли. Руки его задрожали, и он поспешно укутал дитя обратно в мягкую ткань. В груди его поднялся благоговейный трепет: разминувшись с Цинь Цзычу в Ханьдани, он едва не погубил истинного владыку царства Цинь, ниспосланного самими Небесами.

Слава богам, родитель и дитя уцелели и теперь в безопасности!

Хотя... от этой мысли у Чжан Ли почему-то поползли брови вверх. Что-то в этих словах про «родителя и дитя» звучало не совсем пристойно, учитывая, в каком наряде сейчас щеголял молодой господин.

<http://bllate.org/book/18277/1750292>